

данно вспыхнула, загорелась ярко и ослепительно. Я был с маленьким именем — журналист, писатель, — жил в глухих местах донской земли. Андреев — мы с ним не были знакомы — письмом пригласил меня переехать в Москву работать в газете «Курьер», в которой он принимал ближайшее участие.

Никак не подыму руку к звонку. Я знаю, за этими светящимися окнами в больших, уютных, тепло натопленных комнатах сегодня всё, что было лучшего и знаменитого в России. Но главное — Горький.

Не подыму руку — страшно после провинции. И вдруг неожиданно для самого себя позвонил, и в ту же секунду остро прохватила мысль: «А не удрать ли?.. Метнуться за угол, только и видали, — и никто не узнает». Но было поздно: дверь отворилась. Вошел, разделся.

В длинной столовой, за громадным столом сидело человек восемьдесят, все знаменитости, и никому из них не было дела до меня, никто не повернул головы. А я уж никого не различал, как в тумане. Андреев ласково меня усадил. Застольный гул и говор колыхался из конца в конец. В отдаленном конце стола поднялся широкоплечий, высокий, с длинными откинутыми назад волосами, с открытым, смело глядящим лицом. Раздвигая стулья и людей, он подошел ко мне, взял за руку, сжал так, что у меня пальцы склеились, с славной улыбкой тряхнул и коротко:

— Горький...

Потом пошел назад, все так же раздвигая стулья. Гул, смех, говор сразу смолкли. Все головы ласково повернулись ко мне, заулыбались, закивали. Соседи задвигались, давая мне попросторнее сесть. Внимательно спрашивают, какого мне налить вина, как мне понравилась Москва, как поживают мои детки, супруга. Одни накладывают мне на тарелку икры, лососины, семги, устриц, к которым я не знал, как подступиться. А с другой стороны льют мне в бокал вина, шампанское... Ух ты?! Вспотел... Сердце ласково билось, и я думал: «Так вот он, Горький».

Это первое впечатление от Горького потянулось через жизнь. Уже оба мы стариками стали, уже фигуры погнулись, а перед глазами немеркнуще: широкоплечий, в серой перехваченной блузе, и лицо гордо и смело закинута, он чувствовал в себе равняющуюся силу и хотел ее понести трудящемуся человечеству на счастье, на радость...

Отрывок из воспоминаний А. С. Серафимовича взят из автобиографической заметки. — ЦГАЛИ, ф. 457, оп. 1, ед. хр. 412, лл. 14—15.

В той же заметке Серафимович пишет: «Многим я обязан Л. Андрееву. Он оказал на меня большое влияние в смысле сжатости, экономности. Даже и в стиле я иногда был к нему близок, но натуры-то у нас разные, поэтому у меня выходило совсем не то, что у него. Я уже говорил, что был с ним в дружбе и переписке; мы часто встречались, разговаривали, шутили...»

5. В. Н. КОЛЬБЕРГ

..Много рассказывал Алексей Максимович, и говорил хорошо, увлекался. Андреев, не отрываясь, смотрел на него, и глаза его блестели любовью. Андреев тогда только что написал «Стену» и читал ее Алексею Максимовичу в рукописи. «Хорошо, чёрт возьми, жестоко, но хорошо. Андреев, он вам покажет, у него талантище — во!»

⟨...⟩ Когда мы жили в Оленихе¹, Андреев прислал свой рассказ «Бездна». После ужина собрались слушать его. Приехавший из Ялты доктор Средин, больной туберкулезом, тоже остался слушать. Алексей Максимович читал сам, впечатление от рассказа было очень сильное и страшно тяжелое².

Вскоре приехал погостить и сам Андреев со своей молодой женой Александрой Михайловной. Характер у Андреева был тяжелый, часто он

чем-нибудь был недоволен или что-нибудь его раздражало. Но в тот приезд он был счастлив. Он необыкновенный юморист, остроумием полны его рассказы даже тогда, когда он не в духе.

Н. Д. ТЕЛЕШОВ

Фотография, 1900-е годы

Архив Горького, Москва

На Алексея Максимовича он по-прежнему смотрел с любовью и больше слушал его, чем говорил сам. Алексей Максимович пророчил Андрееву большую будущность. «Куда мне до него, у него талант огромный. Он покажет всем»...

Отрывок из воспоминаний В. Н. Кольберг. Машинопись.— АГ.

Вера Николаевна *Кольберг* (1875—1954) — близкий друг семьи Горького, его товарищ по революционной работе в Нижнем-Новгороде; жила в семье как воспитательница детей Горького. После его освобождения из-под ареста Кольберг поехала с семьей Горького в Оленз, где они жили с ноября 1901 по апрель 1902 г.

¹ В воспоминаниях речь идет о 1902 г.

² В своих воспоминаниях А. Ф. Войткевич упоминает о письме Горького к нему, в котором тот писал по поводу шума, поднятого вокруг рассказа «Бездна». «Мещанину в морду дали, потому он и ругается», — писал Горький (сб. «Максим Горький на родине». Горький, 1937, стр. 209).